

Если вы идете сквозь ад — идите
не останавливаясь.

Уинстон Черчилль

Персонажи и события романа вы-
мышленные. Все совпадения с реаль-
ными фактами случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОД ТЯЖЕСТЬЮ ТЬМЫ

Лара открыла глаза, но увидела только фрагменты яркого, беспорядочного, неестественно четкого и почему-то тревожного сна. Почувствовала только жжение под воспаленными веками и тяжесть мокрых ресниц. И тут же началось это... Мука последнего года: паника, безысходность и страх перед движением, глубоким вздохом, перед отчаянным стуком сердца, не желающего просыпаться.

Но нужно собрать все свои силы, подняться и добраться до открытого пространства, до утра без света, звуков и встреч. Почему нужно? Потому что невозможно унять ноющее, терзающее понимание: она должна сделать эту работу. Только она может разобраться в том, что произошло, и принять какое-то решение. И самое тяжкое, невыносимое: Лара в миллионный раз обязана заставить себя вспоминать в подробностях то,

Евгения Михайлова

что произошло. Обязана рвать душу, умирать от жалости и ненавидеть.

Она давно умывается, одевается и причесывается не глядя в зеркало. Стоит пару минут под душем, не регулируя температуру воды. Холодная, горячая — какая разница. От полной и значительной жизни осталась только тягостная последовательность процедур. Время от времени приходится заказывать еду. Та прошлогодняя Лара, с обостренным обонянием и вкусом, ела только то, что очень любила. У нее почти всегда был хороший аппетит. Сейчас это процесс принудительного кормления стремящегося к угасанию организма. Деградация — отсутствие нормальных потребностей, невозможность жить и умереть. Ты больше не живой человек, ты заложник миссии, к которой себя приговорила. Дотянуть, дотерпеть до прорыва, до треска разбитой клетки, до прыжка. Хоть в пропасть. Но он должен состояться.

В это утро Лара вдруг поняла, что больше не существует в плотном тумане, который глушит звуки и прячет детали. Ей бросались в глаза все пыльные углы, груды тряпья, которое не так давно было вполне хорошей одеждой. В ванной она с тоскливым недоумением открывала свои зеркальные шкафчики, забитые баночками с кремом, упаковками с масками, которые она обожа-

ла и закупала впрок. Ароматные соли, пена для ванны... Это удивительно: Лара совсем не помнила, почему все это ей казалось таким необходимым, временами даже главным. Она забыла само чувство расслабления, отдыха, защищенного уединения, возвращения к себе из трудного, напряженного дня, в котором все имело свой очень важный смысл. Он был жестоко растоптан в один день. В тот самый день.

В холле она влезла в куртку, которая в одиночестве висела на вешалке, сунула босые ноги в теплые ботинки, шагнула за порог. В лифте отвернулась от зеркала и почти с ужасом ощутила собственный запах. Нет, не запущенности. Какой-то ужасной заброшенности. Запах отмирающей женственности. Как же страшно, наверное, она выглядит, — в первый раз за время добровольного заточения подумала Лара.

Она вышла в грязный, промозглый февраль и споткнулась о волну тяжелого, непрозрачного воздуха. А прохожий, который торопливо шагал мимо, на мгновение замедлил шаг, внимательно посмотрев на девушку с длинными русыми волосами поверх откинутого капюшона. Что-то очень необычное он увидел в ее нежном лице, в страдальчески сжатых губах, в широко распахнутых серых глазах, полных то ли боли, то ли страха,

Евгения Михайлова

то ли решимости. Такая и под колеса бросится... Но всем не поможешь... Прохожий побежал к автобусу.

Лара вернулась домой, сбросила в холле одежду прямо на пол. Как давно она один или два раза в день натягивает на себя эти жуткие непромокаемые штаны и толстый свитер прямо на голое тело? Даже не вспомнить. Нужно захватить их, когда будет выносить мусор. Другие брюки и свитера лежат в этом отделении шкафа, помнится, в большом количестве. А тут висят другие куртки, пальто и плащи... И зачем?

Она долго оттирала ванну, наполнила ее очень горячей водой, плюхнула туда полпачки ароматизированной соли, добавила пену с экстрактом кокоса, легла и очень долго растапливала оцепенение, казалось, навеки уставшего тела. Что-то получалось: руки и ноги сами зашевелились, чуть напряглись, как будто получили возможность выбраться из искусственного омертвления, из паралича.

Следующим преодолением был поиск в холодильнике всего, из чего можно сварить нормальный борщ. Когда-то, когда Лара была точно живой, она терпеть не могла готовую еду. Потом для формального поддержания жизни только готовая еда и подходила. Сейчас Лара безжалостно

выбросила в мусорный бак ненавистные упаковки с якобы едой. И даже немного увлеклась готовкой.

Потом, постояв в нерешительности минут десять у порога своего кабинета, открыла дверь и шагнула туда. Дошла до письменного стола. Включила ноутбук, открыла папку «Документы». Тут самые главные файлы, снимки, видеозаписи.

Год назад Лара ушла в никуда и на неопределенный срок из студии документальных фильмов, где работала помощником режиссера Константина Николаева. «Я буду тебя ждать, — сказал он на прощанье. — Вернешься, когда сможешь. Главное помни: я жду».

И она просидела немало часов, которые слились в одну горячую, рвущую душу секунду. Она вынесла это. Вошла в спальню, постелила себе чистое белье и рухнула без сил, как будто прошла долгий-предолгий путь. Босиком по раскаленным углям и острым осколкам битого стекла.

Когда дыхание немного успокоилось, взяла с тумбочки телефон, включила его и посмотрела журнал входящих вызовов. Она проверяла их раз в несколько дней, потом опять отключала телефон. Все как обычно. Звонили подруги Таня и Катя, режиссер Константин... Звонил Андрей, но это нужно быстро пропустить. И мать. Вера.

Евгения Михайлова

Горло Лары перехватил спазм, холодный и жестокий, как петля. Это была ее недремлющая спутница на протяжении года — ненависть.

ВЕРА

Матери Лары было семнадцать лет, когда она родила. Беременность она скрывала, обнаружили ее слишком поздно, чтобы думать о вариантах. Когда одноклассники Веры, нарядные, с цветами, шли на выпускной вечер, ее тело разрывалось на части, а чужие голоса приказывали ей: «Тужься». Аттестат о среднем образовании получила за нее мама, бабушка Лары. У нее были большие планы на дочь, она надрывалась на многих работах, чтобы Вера ни в чем не нуждалась, росла здоровой и благополучной, получила отличное образование, добилась настоящих успехов в карьере. Бабушка Валентина была преподавателем русского, английского и французского языков. У нее были часы в школах, она переводила книги, бегала по частным урокам. К моменту рождения внучки у Валентины накопилась приличная сумма. Она уже выбрала для дочери прекрасный вуз... Но пришлось все потратить на небольшую, но вполне уютную двухкомнатную квартиру неподалеку. Вере следовало начинать собственную жизнь, за-

ботиться о дочери и, главное, как-то устраивать собственную судьбу. Она так никому и не сказала, кто отец ребенка. Если он сам не проявился, значит, сделал все, что мог, и больше никому не нужен. Вера, конечно, встретит кого-то, она хороша собой, Валентина вложила в нее столько, что она и без вуза вполне образованный человек. Со временем они решат, чем она займется. Пока им надо ставить на ножки ребенка, продуманно приближать и строить нормальную семейную жизнь.

Девочку называли Лара, по паспорту Лариса. Имя выбрала Валентина в честь своей любимой героини Пастернака. Внучке с ее мамой-подростком понадобятся стойкость к невзгодам, решительность и способность преодолевать любые последствия своих поступков. С отчеством решили совсем просто: Валентиновна. Вере было все равно. Она еще не почувствовала родство с этим непонятным существом, которое вдруг узурпировало ее жизнь.

Лара прожила с матерью восемь лет. И это было неплохое время. Она называла Веру мамой, а веселились они, как подружки. Больше всего их развлекало то, что люди считали их сестрами: они были очень похожи.

А потом как-то вдруг стремительно в их квартире стали появляться гости. Всегда мужчины.

Евгения Михайлова

Одного Валентина обнаружила утром в ванной, когда принесла своим девочкам приготовленную еду на день. Другого застала за завтраком в кухне. Третий прожил в квартире Веры дня четыре, после чего они поругались, и он ушел, хлопнув дверью. Вечером бабушка привела Лару после музыкальной школы. Входная дверь была распахнута, а Вера пьяно храпела на диване. Под одним глазом сине-багровый кровоподтек. Рядом на полу стояли бутылки и лежали упаковки со снотворным. Бабушка и внучка только посмотрели друг на друга и молча собрали вещи Лары. С того вечера у Валентины была одна главная цель — спасти и защищать девочку от всего света, но в первую очередь от матери.

О том, что Лара теперь будет жить у Валентины, Вера узнала на следующее утро. И это было для нее большим облегчением. Лара приняла перемену спокойно: она рано научилась принимать логичные решения. К матери никаких претензий: ее жизнь, ее квартира, ее гости... А жизнь Валентины принадлежит ей, Ларе, это было очевидно. И Лара стала называть бабушку мамой, а мать Верой. Таким был приговор ее суда: оправдала мать, но... Исключила из круга главного родства. И вскоре поймет, как вовремя она это сделала. Сейчас Вера — мать, но не в высоком и великом

смысле. Это просто кличка для человека, который стал причиной огромного несчастья. Человека, который не стоит своего имени. Какая там вера...

СЕМЬ ЛЕТ АРТУРА

Восемь лет назад Лара уже закончила режиссерский факультет ВГИКа. Они с Валентиной часами обсуждали возможность для нее работать на студии документальных фильмов в Париже. Это было предложение одного французского автора, которого многие годы переводила Валентина. Конечно, Ларе очень хотелось поехать в Париж. Но...

— Если бы знать, мама, что ты быстро приедешь ко мне, — говорила она Валентине. — Я боюсь, что ты пообещаешь, а потом поймешь, что не можешь оставить без присмотра Веру. И мы обе будем мучиться и чего-то плохого ждать. А вдруг ты заболеешь? У тебя же был сердечный приступ на прошлой неделе. Мне из Парижа на такси не доехать за полчаса.

Валентина приводила свои аргументы за то, чтобы ехать. Но решилось все в один момент. Поздним январским вечером позвонила Вера. Она сообщила, что родила сына. Ему уже три дня. Назвала Артуром, как Овода.

Евгения Михайлова

— Ну, вот и оно, — произнесла Лара. — У нее опять ребенок. И они оба наверняка никому не нужны, кроме нас. Как хорошо, что я не успела согласиться.

— Я бы, конечно, справилась и без тебя, — ответила Валентина. — Как все бабушки. Если бы она была другой. А так... Может произойти что угодно. Спасибо, моя дорогая, что останешься со мной. Ты мне награда за все, единственная опора. Такая любимая опора.

Новорожденные младенцы всегда казались Ларе страшненькими. Но когда она взглянула на своего сводного брата, у нее перехватило дыхание, а кожа покрылась мурашками, таким он ей показался прекрасным. Ему в тот день исполнилось два месяца, и Лара решила поехать к матери с Валентиной.

Артур лежал в ярко-голубой коляске и смотрел на нее еще более яркими голубыми глазами. Крупные золотые локоны мягко окутали круглую головку. Он увидел цветную погремушку в руках Лары и улыбнулся своим прелестным розовым ротиком, а на щечках появились ямочки.

— Я в шоке, ма, — сказала Лара в машине, которую они с Валентиной купили, раз Париж отменяется. — Ты когда-то видела таких красивых детей?

— Не знаю насчет точно таких... — задумчиво проговорила Валентина. — Но красивых видела. Тебя, например. Но Артур на самом деле удивительно хорош собой. Я не совсем понимаю, почему это тебя так поразило.

— Что значит почему, мама? Принц, что ли, на мою мамашу польстился? Ты заметила, как она выглядит? Она же на всех чертей сейчас похожа. И я вообще-то видела в мусорном ведре бутылку.

— Да ты что, — выдохнула Валентина. — Еще этого не хватало. Надеюсь, все не так ужасно. Одной очень трудно справляться с малышом. Мне нужно просто больше ей помогать.

— Нам нужно, — поправила Лара.

— А вдруг все же принц, а вдруг он появится, — с надеждой произнесла Валентина.

— Я тебя умоляю, ма. У нашей Веры появляются только козлы и алкаши. Извини за горькую правду, — изрекла Лара.

Она решила не искать сразу постоянную работу. Устраивалась на картины помощником разных режиссеров. Выбирала и, главное, имела возможность делать паузы между фильмами. Она очень часто бывала у Веры, научилась ей помогать и ухаживать за ребенком лучше родной матери, что было не так сложно. И они с Верой на какое-то время опять стали подругами. Вера даже

Евгения Михайлова

целовала дочь при встрече и прощании. Нередко Лара оставалась ночевать. До того вечера, когда в дверь позвонили и Вера впустила в квартиру мужчину. Лара быстро собралась и приехала домой задумчивой и подавленной.

— Что-то случилось? — спросила Валентина.

— Да нет, просто к ней пришел какой-то тип.

— Ну, почему так мрачно? Может, это и есть отец Артура.

— Не может. У него не голубые глаза. У него вообще не глаза, а дырки от дробовика. И вместо золотых локонов — серая пакля.

— Да ладно тебе, — рассмеялась Валентина. — Ты просто очень привязалась к ребенку. Ты любого примешь в штыки. А я как раз подумала: вдруг Вера согласится, чтобы Артур пожил у нас. Пока у нее личная жизнь, так сказать.

Вере идея сначала понравилась. Но потом они посоветовались с юристами и дружно от нее отказались. Неработающую мать-одиночку постоянно проверяют опека и социальные службы. Ее могут лишить и детского пособия, а потом, возможно, и родительских прав, если образ жизни признают несоответствующим. А так и будет. Валентина и Лара уже не смогут вернуть Артура Вере, они станут за него бороться. И они не

имеют права вот так, пока без причины, отобрать ребенка у матери.

О господи! Они могли попытаться и отобрать своего родного ребенка у этой чудовищной матери. Это была самая страшная для Лары мысль после всего. Они могли, но не спасли...

Воспоминания о семи годах жизни Артура были яркими мгновениями счастья и отчаяния. Ни один миг не забылся. Ларе не удалось закрыть дверь памяти в ту камеру пыток. И вот пришли день и ночь, когда крепость ее деградации пошатнулась, дрогнула. То был удар жестокого требования проснувшегося сознания. То был приказ — вернуться, все узнать, сделать самую беспощадную работу. И... отомстить. Покарать преступника хотя бы ценой собственной жизни и тем самым вернуть ей смысл.

Как бы то ни было, семь лет жизни Артура были для Лары самым полным, насыщенным и, конечно, самым счастливым временем. Он рос таким восприимчивым, обучаемым. Таким добрым и ласковым ребенком. Даже его мать рядом с ним вроде потеплела. Его развитие и просвещение Валентина с Ларой взяли под свой строгий контроль. Они и отвели его в первый класс. И постоянно были настороженны, преодолевали тяжелые периоды, которые все учащались. Ко-

Евгения Михайлова

нечно, у Веры появлялись и менялись сожители. Конечно, она с ними выпивала, они бурно ругались и даже дрались.

У Лары появилось сумасшедшее занятие — каждый день осматривать Артура в поисках следов грубого обращения. Она любую царапину разглядывала чуть ли не с лупой. Шли годы, и Лара почти успокоилась на этот счет. Тут-то Вера и сообщила, что вышла замуж. Ее избранник Георгий заметно отличался от предшественников. Работал водителем службы доставки интернет-магазина. То есть не был алкоголиком по определению. Показался вполне симпатичным внешне. Коренастый, круглолицый, улыбчивый шатен с карими глазами.

Именно после переезда Гоши в квартиру Веры Лара и стала находить синяки и ссадины на руках, ногах, теле Артура. Сам мальчик вместо ответов на вопросы отводил глаза или что-то бормотал: упал, ударился. Но это было семейное насилие, без сомнений. Но никто ведь не примет синяк или ссадины всерьез, если поднять шум. Так можно было только потерять доступ к братику. Лара это прекрасно понимала, не сразу рассказала Валентине. Потом жалела, что вообще рассказала: сердечные приступы у ее настоящей мамы стали регулярными, чуть ли не ежедневными.

Лара уже работала на студии Константина Николаева. И она придумала замечательный повод забирать Артура с собой на съемки чуть ли не каждый день. Они с Константином снимали кадры для заставок в маленьком живописном парке рядом со студией. Артур там просто играл с мячом, бегал среди деревьев, а они его снимали при разном освещении. Издалека и крупно — его удивительно выразительное лицо, которое постоянно менялось. Вере Лара сказала, что студия мальчику платит, и давала ей время от времени какие-то деньги. Мать была довольна. Константин, который сначала отнесся к идее скептически, потом был в восторге от результата. Эти кадры украшали любой сюжет, Артур стал чем-то вроде символа их работ, мелодией гармонии.

За Георгием Лара следила, как агент разведки. Уходила из дома Веры поздно, покормив и уложив спать Артура. Если что-то происходит, она должна быть свидетелем. Хотя, конечно, не исключено, что с мальчиком плохо обращается не Георгий, а Вера. Она дико ревновала своего мужа, срывалась, орала, пила.

Однажды Лара обнаружила на лице Артура большой кровоподтек — под глазом до виска. Она не стала пытаться ребенка. Но сфотографировала след явного удара, как обычно. Дожда-

Евгения Михайлова

лась, когда вернется домой Георгий, застала его в кухне одного и в упор спросила:

— Что с лицом моего брата? Это твоих рук дело?

— Опаньки! — оскалился он в своей улыбке, на этот раз зловещей. — Не знал, что у нас тут прокурор завелся. А не пошла бы ты... Какого черта ты тут торчишь каждый день? Я, честно говоря, подумал, что из-за меня. Напрашиваешься типа. А потом понял, почему у такой красивой бабы никого нет. У тебя характер, как у гадюки. Ищешь, кого бы ужалить. Давно заметил, что ты все тут вынюхиваешь.

— Ах ты... — выдохнула Лара, но закончила спокойно. — Принимаю все сказанное как чисто-сердечное признание. Я предупредила.

— Я тоже, — хищно оскалился он.

В ту ночь Лара горько плакала, открыв воду в ванной. У нее уже два года был Андрей... Он развелся ради нее с женой. Купил для них квартиру. Они виделись пару часов в неделю. Он умолял ее выйти за него. Но она не могла заниматься своей жизнью и любовью. Не могла оставить Артура наедине с грозящей ему бедой ни на день. И делить такую мучительную проблему с Андреем тоже не могла. Он хочет нормальной семейной жизни, возможно, ребенка от нее. Тог-

да, чуть больше года назад, Ларе было двадцать девять лет. Тридцатый год прошел мимо. Время больше не имело никакого значения.

В тот вечер, год назад, Лара приехала в дом матери довольно поздно. На звонок ей никто не открыл. Лара вошла со своим ключом. На диване в гостиной храпела Вера. Лара прошла в комнату Артура, включила свет и оцепенела. Мальчика не было в постели. Лара металась по квартире, открывая все двери, звала... Кроме Веры, в квартире не было никого. Она схватила мать за плечи и трясла ее до тех пор, пока у той не стал более осмысленный взгляд. Но когда Вера заговорила, ничего внятного не произнесла. Когда до нее дошло, что в квартире нет Артура, промямлила:

— Так, может, гуляет...

— Какие гуляния!!! — кричала Лара. — Сейчас ночь! И нет нигде его телефона, я набираю, но он выключен. Вспоминай, идиотка, а то я из тебя кишки вытрясу...

С кишками, может, и получилось бы. Но вытрясти из этого организма хоть какую-то информацию было нереально. Лара бросилась на улицу, бегала по округе, звала. Потом вернулась в квартиру. Вера уже сидела на кухне и пила из кружки явно не кофе. Лара собралась до упора ждать Георгия, вдруг он куда-то повез ребенка.

Евгения Михайлова

Его телефон тоже был выключен. Почему-то этот момент показался Ларе обнадеживающим. Этот коварный придурок мог таким образом наказывать именно ее. Он знает, как она пугается за Артура по любому поводу.

Лара просидела бы там до утра. Но позвонила Валентина, спросила, скоро ли она приедет.

— Нет, ты не торопись. Ничего страшного. Просто мне немного нехорошо.

И Лара помчалась домой. Было уже начало первого. Из машины позвонила в полицию без всякой надежды на результат. И, конечно, услышала дежурное: «Женщина, никто не будет искать ребенка, если его несколько часов нет дома. У нас масса вызовов по реальным преступлениям и несчастным случаям. Звоните знакомым, его друзьям. Может, засиделся у кого-то или заснул».

Лара набрала номер Константина. Он сразу ответил.

— Костя, извини, что так поздно, мне просто больше некого просить о помощи. Случилось вот что: Артур пропал. Полиция мне не верит, искать отказались. И я вспомнила: ты же делал фильмы по заказу МВД и прокуратуры. Наверное, сохранились контакты. Умоляю тебя: попроси кого-нибудь мне помочь. Только позвони прямо сейчас.

— Хорошо, — сказал Константин. — Я как раз еще в монтажной. Тут и лежат их карточки. Я попробую. Жди звонка от меня или с незнакомого номера.

Через десять минут ей позвонил человек, который представился следователем районной прокуратуры Ивановым и недовольно произнес:

— Лариса Валентиновна, обоснуйте, пожалуйста, свою уверенность в том, что с вашим сводным братом случилось несчастье. Пока я не понимаю причины такой тревоги. У нас свои сроки в подобных случаях. Я не могу поднимать людей из-за чьих-то нервов.

— Я обосную. И даже могу сейчас прислать снимки со следами побоев у ребенка. У него плохой отчим. Это очень жестокий человек с садистскими наклонностями. Да и мать наша — тоже очень проблемная мамашка. Она выпивает.

— Но почему вы исключаете самый простой вариант: мальчик элементарно сбежал от таких проблемных родителей и находится сейчас, к примеру, дома у друга?

— По двум причинам. У нас с Артуром самая серьезная договоренность — не выходить одному по вечерам из квартиры. Если бы он что-то решил, то обязательно позвонил бы мне. И он никогда не отключает телефон. И второе: у него

Евгения Михайлова

нет таких друзей, к которым он пошел бы на ночь глядя. Впрочем, я не знаю, когда именно мальчик покинул квартиру. Телефон его отчима тоже отключен.

— Хорошо, — после паузы произнес Иванов. — Пришлите снимки. И адрес места жительства брата, ФИО и место работы его отчима. Я сообщу, когда что-то получится узнать. Но надеюсь, утром мальчик вернется сам. Дети теряют телефоны.

Лара влетела в квартиру, придумала для Валентины какие-то причины, по которым задержалась. Сказала, что с Артуром все в порядке, она уложила его спать. Сделала все нужные уколы Валентине, полежала рядом, пока та не уснула. Наверное, сама задремала, потому что звонок телефона взорвал ее мозг. Лара схватила трубку, плотно прикрыла дверь спальни и ответила только в кухне. На часах было четыре утра.

— Это Иванов, — услышала она. — Мне очень жаль. Но требуется опознание. Заявитель вы. Мать не в том состоянии. Куда за вами приехать?

Самая страшная казнь — это увидеть мертвого Артура. На какое-то время Лара исчезла. Живыми оставались только глаза. Патологоанатом назвал причиной смерти асфиксию. Ребенка задушили его шарфом. На теле есть травмы.

РАЗБИТОЕ НЕБО

Тело обнаружили в дальнем сквере их района. Оперативники остались на местности, чтобы найти телефон Артура. В наше время это главный свидетель.

Лара поднялась к двери квартиры на окаменевших ногах. Стояла, не решаясь открыть. Но дверь открыла Валентина. Она была смертельно-бледной и какое-то время молча смотрела на Лару.

— Скажи, — прошептала она.

— Я не могу, — выдохнула Лара.

— Постарайся. Ты должна.

Через два часа врач «Скорой» констатировал смерть Валентины от обширного инфаркта. Вторым близкий человек покинул Лару в ту страшную ночь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Лара проснулась. Она спала этой ночью от силы два часа. Ее встретило то же утро — без света, живых звуков, конкретных планов и надежд. Но она, мельком взглянув на часы, рванулась в это утро. Как будто страшно опаздывала начать главное дело. Постояла под горячим и холодным душем, первый раз за год сварила себе крепкий кофе и вернулась к столу с ноутбуком. Открыла папку под названием «Артур». Его снимки, видео, картинки, которые он нарисовал. Дневник Валентины: она записывала главные события в жизни внука, его милые и забавные высказывания. Все это были огромные тайны маленького человека. Он ей оставил их в наследство. Это все надо срочно разгадать.

Через несколько часов работы Ларе удалось заплакать — слезами, а не запекшейся кровью, которая не проливалась, а лишь превращала все

вокруг в багровый туман. Вот теперь она готова искать обратную связь. Если кому-то это нужно еще. Если услышат призыв о помощи до того, как ей придется о ней просить.

Лара взяла телефон и ответила на последний из пропущенных вызовов. Это Таня, подруга еще по ВГИКу. Сейчас она благополучная домохозяйка и жена неплохого адвоката.

— Божечки, — произнес милый грудной голос. — А я уже перестала ждать. Как ты там, моя дорогая?

— Да я... — Лара запнулась, она не знала, как коротко объяснить свое добровольное заключение с полной изоляцией от мира.

— Только не начинай объяснять и оправдываться, — прервала ее Таня. — Я все прекрасно понимаю. Просто спросила, как ты сейчас себя чувствуешь. Мы все понимаем. Ты думаешь, мы просто сидели и тупо ждали, пока ты объявишься сама?

— Не ждали?

— Конечно, нет. Не такие мы безмозглые курицы с Катериной. В дверь к тебе, конечно, не ломились, но практически каждый день ездили по очереди к дому, смотрели: включаешь ли свет. Иногда ненавязчиво заводили разговор с соседями. Знаем, что раза два в день выходишь на

Евгения Михайлова

минуты. И что выглядишь... Извини, но не пойми как. Потому и не хотели тебя спецом поджидать. Невмешательство, так сказать, в личную жизнь. Почему ты молчишь?

— Я слушаю. Как же приятно слышать твой голос. Ты как?

— Да у нас все по-прежнему. Давай сразу о тебе, пока ты опять не заперлась в своей норе. Чем тебе помочь? Что я могу сделать для тебя?

— Я как-то не собиралась... Нет, я собиралась просить о помощи. Может, твой Слава знает, с чего начать... Мне нужен доступ к делу об убийстве Артура. Без контакта с официальным следствием. Дело закрыли? Оставили висеть? Ты что-то слышала о моей матери и ее муже?

— Сначала отвечу на последний вопрос. Я пару раз собиралась позвонить Вере, но не смогла, не в состоянии с ней говорить. А Катя звонила. Но я даже не могла выслушать ее после этого. Страшное отторжение. Я могу теперь у нее спросить...

— Спасибо, не нужно. Я сама.

— Вот и отлично. Ты, похоже, больше не намерена от всех прятаться. Что касается нужной тебе информации, подожди пару минут. Я спрошу у Славы. Он как раз собирается в контору... Лара, ты тут? Я схватила мужа на пороге

прямо за фалды. Он тоже очень рад, что ты сама позвонила. Сказал на ходу, что тебе нужен частный детектив. Он на работе подумает, пообщается, порекомендует кого-то. Только с условием — мы в доле. Сыскари — недешевая рабочая сила.

— Таня, у меня есть деньги. Мама оставила завещание на меня: квартира, наш общий счет. Я за год потратила буквально гроши на пропитание.

— Я понимаю, но наше условие в силе. Даже не пытайся сопротивляться.

— Я не пытаюсь... И даже не благодарю, нет у меня таких слов. Даже голова закружилась... Тяжело, знаешь, выползать из могилы...

— Да что ж такое, — всхлипнула Таня. — Вернись же ты к людям, к работе, к своей красоте... Между нами, твоя соседка по площадке сказала, что у тебя даже щеки впали. А был такой прекрасный овал... Ладно, до созвона по поводу информации. Я тут немного пореву.

После своего первого за год, такого полного и важного, разговора Лара вся дрожала. Руки и ноги стали ледяными, а голова горела. Еще и это... Она так запустила себя физически, что сил может просто ни на что не хватить. Одна надежда, что подруги поддержат, потащат из дегра-

Евгения Михайлова

дации, как утопленницу из тины, вернут хотя бы к какой-то устойчивости.

Лара минут двадцать ходила по периметру квартиры, пытаясь восстановить контроль за кровообращением. Только не дать себе лечь, не закрывать глаза. И не поддаваться искушению вновь отключить телефон.

Она набрала номер Кати. А та уже ревела всю.

— Ларка, прости, не могу остановиться. Мне Таня рассказала... Этот ужас про могилу, из которой ты вылезает... Не могу. Давай я к тебе приеду, хоть потрясу тебя как следует, чтобы эта дурь из тебя вылетела. И привезу в кастрюле котлеты, я их недавно пожарила. И фрукты с мороженым. Да черт же тебя дери: скажи, чего ты хочешь?

— Хочу сказать: привет, милая Катюха. Я знаю, что вы с Таней пасли меня целый год и терпели мое хамское молчание.

— Да ладно, что за бред. Мы просто хотели быть рядом, как получалось. А давай я с бутылкой красного приеду? За встречу, можно сказать.

— Это непременно, но давай немного подождем. Я только на разведку вышла, чтобы на ощупь и по звукам голосов найти своих. Голова горит, ноги подгибаются.

— Что мне сделать?

— Скажи, что знаешь о матери и отчине, пожалуйста.

— Отчима твоего тогда взяли по подозрению. Он ни в чем не признался. А потом вроде там какая-то улика с ним не совпала, а главное, ему организовала алиби баба с его работы. Вроде он с ней провел вечер и ночь. Из-за этой бабы они с Верой разбежались. Он ушел от нее. Вера сказала, что он с ней развелся. Она... Ну, ты знаешь: к ней ходят всякие. Пьет. Зла на тебя до ужаса, говорит, что ты ее оклеветала, на ее невинного Гошу донесла. Ты, получается, во всем у нее виновата. Да еще она без денег осталась. Говорит, Валентина лишила ее доли в завещании. Я предложила ей поработать в нашей больнице санитаркой, ей же делать теперь совсем нечего. Но как же. Как будто королеву оскорбила предложением полы мыть и горшки выносить. Знаешь, я бы ее уговорила на стерилизацию. Не дай бог, опять забеременеет, еще одну жертву родит. Пыталась ей рассказывать, как и чем предохраняться... Сейчас это любому нормальному подростку известно. Но это же без толку. Тут надо что-то одно выбирать — предохраняться или пить. Ничего, что я это все на тебя вывалила?

Евгения Михайлова

— Нормально. Большое тебе спасибо. Катя, я как-то об этом не думала. Разве Вера еще может родить?

— О чем ты! Ей всего сорок семь лет. Сейчас и в шестьдесят пять рожают. У нее нет климакса еще. Я спрашивала.

— Понятно. Честное слово, я и не думала о том, сколько ей лет. Я перестала в ней видеть что-то человеческое. Теперь картина полная. Как ты?

— По-всякому. Работаю как проклятая. Людей и лекарств в больнице не хватает. А дома оболтус растет. Такой классный оболтус. Колька за этот год вымахал, ты, наверное, не сразу узнаешь. Я уже на цыпочки встаю, чтобы в нос поцеловать. И, знаешь, скажу не потому, что я клуша-мать. Такой становится красавец. И человек хороший. Любит меня, мамашку бестолковую и бедную. Ему уже пятнадцать. Он не знает, что я ему коплю на машину. На поддержанную, конечно, но симпатичную. Кстати, не так уж мало накопила. Научилась постепенно истреблять собственные потребности. Я к тому, что я тоже в доле. На этого, на частного детектива.

— Господи, я все терплю, терплю, но ты меня до слез все же довела. Люблю тебя и классного оболтуса. Обязательно посмотрю на него. А деньги у меня есть, но твое предложение драгоценно.

Я позвоню. И ты звони. Телефон больше не отключаю.

Лара отложила телефон и взяла с тумбочки большую фотографию Валентины в серебряной рамке.

— Они со мной, мама. Они с нами. И это от тебя привет.

Катя работала медсестрой в районной больнице, в которой Валентина пару раз лежала. Лара и договорилась с Катей, что та будет приходить к ним домой делать уколы. А получила не эпизодическую помощницу, а преданную, заботливую и на редкость искреннюю, эмоциональную подругу.

Информации и чувств было столько, что Ларе понадобится много времени на осмысление и выводы. Больше ей сегодня ничего не вынести. Она достала из холодильника бутылку с водой и долго пила, утоляя забытую жажду живого человека.

И тут позвонил телефон. На дисплее имя — Андрей...

АНДРЕЙ

Лара познакомилась с Андреем Фроловым, когда они приехали снимать фильм о коллективе авиационной компании в Жуковском. Андрей

Евгения Михайлова

работал там инженером-конструктором. Было это три года, восемь месяцев и пятнадцать дней назад.

Он ей сразу понравился. Интеллигентный, образованный, вдумчивый, сосредоточенный на своем деле. Очень хорошо говорит. За стеклами очков красивые карие глаза. Ему было чуть за сорок. И такое пленительное сочетание — отстраненный, даже зацикленный на своей теме «ботаник» и «очкарик», а внешне очень привлекательный, сильный, уверенный в себе мужчина.

Фильм сняли за неделю. Андрей приехал на просмотр до окончательного монтажа. Делал важные и логичные замечания. Попросил прислать ему на почту ссылку на заверченный вариант. Лара отправила еще через неделю. Получила короткий ответ: «Спасибо. Все в порядке».

Лара даже самой себе не могла объяснить, почему ее довольно долго терзало чувство разочарования и даже обиды. Он ее совсем не заметил: просто приложение к оборудованию в монтажной. Так ведь для нее нормальные отношения — табу. За всю взрослую жизнь она позволила себе пару романов, буквально на ходу. Расставалась быстро, без малейшего сожаления. Яростно сопротивлялась любым попыткам бывших партнеров объясниться, что-то вернуть. Забывала все через

несколько дней. Такое не бывает без последствий для самооценки. Ей ведь и сейчас ничего не нужно. Но мог бы улыбнуться разок, посмотреть с каплей внимания. Просто снять на секунду свои очки...

И прошло с того просмотра в монтажной довольно много времени. Однажды вечером Лара вылетела из студии, на ходу звонила Валентине, сообщая, что едет к Артуру. Увидела у своей машины высокую мужскую фигуру. Еще не узнала, но сердце нерешительно и с надеждой на радость дрогнуло. Да, это был он.

Андрей шагнул ей навстречу.

— Добрый вечер, Лариса. Извините, что без предупреждения...

— Что-то не так с картиной?

— С чем? — недоуменно спросил он. — А. С нашей картиной. Я и забыл. Да нет, все нормально. Просто мимо проезжал. Как говорят идиоты. Захотелось увидеть.

В тот вечер Лара в первый и последний раз соврала Валентине и Артуру. Впрочем, Валентине на следующее утро во всем призналась.

Они какое-то время просто кружили по Москве без цели. А потом приехали в маленький подмосковный мотель. Вошли в номер. Андрей снял свои очки. Посмотрел таким беспомощным

Евгения Михайлова

и молящим взглядом, после которого любые слова бессмысленны.

Пролетели две недели, в течение которых они встречались при любой возможности. Лара стала просыпаться с нестерпимой потребностью — увидеть Андрея сегодня, хоть на минуту. Позвонить, позвать, побежать навстречу. Но надо было ехать на работу, надо было мчаться к Артуру. Прижимая к себе хрупкое тельце мальчика, она смотрела в любимые голубые глаза и читала в них такую преданность, такую уверенность, что она и есть главная защитница нежного цветка, рожденного на высохшем, жестоком, ядовитом поле. Ну какая может быть конкуренция у столь панической взаимной привязанности? Не в виде же взрослого, сильного, уверенного в своих решениях мужчины. Андрей предлагал разные варианты выхода из их тупика. Они все были бы логичными, разумными в любом случае, кроме их. И такое странное дело... Когда Лара с тяжелым сердцем отрывала себя от Андрея, он казался ей похожим на Артура. Одиноким и беспомощным. Так она поняла, что любит.

Потом он иногда приезжал за ней вечерами по адресу Веры. Чаще всего просто отвозил домой. Ларе с огромным трудом удавалось вырваться с ним на несколько часов или полночи

в тот мотель. Она знала, что Валентина не ляжет спать без нее. Будет страдать и придумывать разные несчастья. Так Лара и жила с постоянно дрожащим сердцем. Оно непрестанно заходило то от любви, то от ненависти и всегда от страха.

С какого-то момента Андрей перестал обсуждать с ней варианты выхода. Он поступил иначе. Однажды спокойно, будничным тоном сообщил, что развелся с женой. По обоюдному согласию, без суда. Оставил ей квартиру, машину, большую часть общих сбережений.

— Но почему? — потрясенно спросила Лара. — Она узнала о нас? У вас возникли проблемы?

— В результате узнала, — ответил Андрей. — От меня, когда я предложил развестись.

— Ты хочешь сказать, что я стала причиной?

— Разумеется. Мы с Ниной оказались в клетке взаимной несвободы. Надо совсем не уважать ни себя, ни близкого человека, чтобы продолжать мучиться от лжи и отсутствия любви. Я считаю, что в каждом человеке заложен постоянный потенциал любви. И его невозможно поделить между двумя объектами. Я имею в виду взрослых людей, конечно. И, кстати, насчет потенциала. Я только сейчас понял, что полюбил впервые.

Евгения Михайлова

С Ниной было совсем другое. Мне кажется, она тоже это поняла.

— Где ты живешь?

— Пока в квартире друга, который работает за границей. Но эту проблему я решу.

Лара не успела прийти в себя от этой информации, как Андрей на одном свидании сообщил, что купил квартиру.

— В вашем же районе. Она недорогая, скромная, но очень чистая, светлая и довольно уютная. Пока поставил там только диван и холодильник. Будет у тебя время, поедem выбирать остальное.

Сначала Лара приняла то, что произошло, как катастрофу. Принуждение к тому, чего ей больше всего хотелось, но все остальное делало это невозможным для нее. Она не может ничего менять в жизни своей и Артура! Нелепо даже думать, что она сможет расслабиться, наслаждаться покоем и любовью, бросив свой главный пост. Она не может быть счастлива, сознавая, что в это время может страдать ребенок. У Андрея и Нины детей нет. Ему при всей его отзывчивости не понять, что такое страстная тревога за ребенка, когда женщина теряет его из виду, выпускает из своих рук.

Но со временем ее даже стали развлекать их с Андреем поездки по магазинам мебели и мате-

риалов для ремонта. Как будто они играли в детскую игру, притворяясь мужем и женой. Даже Валентина втянулась в этот выбор для семейной жизни, которой не было. Сидела в интернете, искала. О чем-то мечтала. Пыталась совместить в сознании несовместимое.

А потом случился тот январский вечер. И все кончилось.

...Андрей очень рано вернулся с работы в квартиру, в которой мебель по-прежнему в упаковке и всюду ящики с материалами для ремонта. Постоял под душем, смывая тяжкую, многослойную усталость. Он работал без сна и перерыва дня четыре, не меньше. Только это и спасало. Достал из пустого холодильника бутылку пива, сделал несколько глотков и по привычке каждого дня набрал номер Лары. Господи. Телефон включен, но короткие гудки. Лара с кем-то говорит?! У него задрожали руки. Подождал, потом перезвонил еще несколько раз. Телефон занят! Он в нетерпении набрал номер Кати. У той тоже занято. Значит, она сейчас говорит с Ларой. Он позвонил Тане. Две подруги и были его постоянными абонентами последний год. Они сообщали ему, что узнали о Ларе, когда у нее загорелся свет, что рассказала очередная соседка.

Евгения Михайлова

Телефон Тани не отвечал. Наверное, поехала за продуктами. Он опять набрал Лару, потом снова Катю.

Наконец Катя взяла трубку, голос у нее был хриплый, как будто от слез.

— Что случилось? — забыл поздороваться он. — Что у Лары случилось? Куда мне поехать, что сделать? О чем вы так долго говорили?

— Да успокойся ты, псих ненормальный. У нее ничего не случилось. Сколько может случаться у одного человека. Она просто очнулась. Ну, типа спящей красавицы. Сама мне позвонила, заметь. Перед этим Тане. А я только устроилась тут пореветь, даже водочки выпила, чтобы легче пошло. Так и знала, что ты сейчас пристанешь как банный лист.

— Но что она сказала? Ей что-то нужно? Еда, деньги, помощь?

— От моих котлет отказалась. Куда тебе с твоей едой. А деньги и помощь — да. Она собирается разбираться с тем, что произошло с Артуром. Ворошить весь гадюшник. Танькин Слава найдет ей частного детектива. Мы в доле на оплату.

— Да при чем тут вы! — взорвался Андрей. — Оплата — это мое дело. А что говорит Слава: это очень опасно — ей в такое лезть?

— Не. Это типа ромашки понюхать. Конечно опасно, но ее не отговорить. Насчет твоего дела ты тоже не распоряжайся. Нам она не посторонний челочек.

— Что мне делать, Катя? Прямо сейчас.

— Мой совет — подожди. Посиди тихо. Она сегодня столько узнала, напереживалась. Пусть отдохнет. Может, сама тебя наберет.

— Да, конечно. Ты права. Теперь можно и подождать.

Андрей выскочил на балкон покурить, посмотрел на сигарету, которая дрожала в его руке, и бросился к телефону.

— Лара... Ты ответила. А я как раз подумал, что если ты не позвонишь мне, то я тут сдохну до утра. Но теперь все в порядке. Ты ответила. Если хочешь, положи трубку.

— Я не хочу, Андрюша. Я только не знаю, что сказать.

— Когда это нам были нужны слова. Просто дыши. Я так старался верить, что это произойдет.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Лара временами проваливалась в сон. Но даже в относительном забытии продолжала напряженно думать, о чем-то спорить с Андреем,

Евгения Михайлова

искала нужные слова для разговора с Верой, которую необходимо заставить отвечать. Она металась в поисках Георгия. Просила Валентину дать какой-то знак, что-то главное сообщить. Утром поднялась измученная, изнуренная, ни в чем не уверенная. Долго стояла под душем. Подумала об Андрее и застонала от тоски и страха. Встала перед большим зеркалом, с ужасом разглядывала свое тело. Кроме торчащих ребер... Она же вся в каких-то царапинах, пятнах. Это было что-то вроде напасти в этот год. Обнаружила не сразу. Пытаясь отключиться, успокоиться, Лара раздирала свою кожу, иногда до крови. И это оказалось трудно, почти невозможно контролировать. Подумала, что так наверняка выглядит психическое расстройство, собралась найти информацию в интернете. Но просто махнула рукой. Какая разница. Лечиться, что ли, она собирается. Читала где-то, что люди режут себя бритвой, чтобы заглушить физической болью страдания души. В таком виде невозможно встретиться с Андреем. Хотелось только лечь в постель и поплакать. Но Лара мужественно намазалась кремом для тела. И на что способен человек, который сейчас так страшно убивается по поводу того, что разодрал себе кожу... Страшно — это ключевое слово возвращения Лары к свету.

Она выпила кофе и позвонила Константину.

— Ларочка, дорогая, — ответил он, как будто они расставались по естественной причине на пару дней. — Как я рад твоему звонку. У тебя все в порядке?

— Да, можно сказать и так. Подумала о работе, но ты, наверное, уже взял кого-то.

— На твое место — нет, конечно. Приглашаю иногда помощников на сложную картину. Но в основном справляюсь сам. Ты готова выйти?

— Да... Только не прямо сейчас, хорошо?

— Ок. Буду ждать. Позвони.

Немного отлегло от сердца. Поиск новой работы сейчас вообще ни во что не вписывается. Да и кто ее возьмет, такую... Костя все же незаменимый и настоящий друг. Можно быть уверенной, что он ненавязчиво, деликатно поддержит, не допустив ни бестактности, ни излишнего любопытства, ни чрезмерного, демонстративного участия.

Лара даже оделась и вышла на улицу. Немного погуляла вокруг дома, напряженно размышляя, как начать разговор с Верой, где и как искать Георгия. Она взваливала на себя весь груз ответственности за то, что требуется сделать. И совсем забыла о том, что в любой момент может появиться частный детектив. Нет, не забыла, просто бессознательно отвергала мысль о появ-

Евгения Михайлова

лении совершенно чужого человека, который станет вторгаться в ее жизнь. В их с Артуром жизнь. И тут пришло сообщение от Тани: «Ответь на звонок с неизвестного номера. Это детектив. Зовут Сергей».

Опять затрясло, как психопатку. Лара вернулась домой, даже нашла в шкафу мягкое и вполне элегантное домашнее платье темно-зеленого цвета. Причесалась, провела по пересохшим губам гигиенической помадой, села на диван в гостиной, положила перед собой телефон. И так сидела, боясь дышать и сжав руки на коленях.

Когда телефон позвонил, постаралась ответить спокойно:

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте, Лариса. Я частный детектив Сергей Кольцов. Звоню по просьбе ваших друзей. Вы готовы договориться о времени встречи? Суть мне изложили в самых общих чертах. Сразу попрошу — ничего конкретного не говорить по телефону. Не называть имен, фамилий, адресов. В процессе сотрудничества найдем защищенный способ связи.

— Да, я готова. Мне нужно куда-то приехать?

— Я так понял, что вы не очень хорошо себя чувствуете. Если я приеду к вам, это удобно?

— Конечно, — облегченно выдохнула Лара. — Мне нужно...

— Сразу скажу: вам пока ничего не нужно. Только ответить на мои вопросы. Условия сотрудничества мы обсудили с Вячеславом. Я привезу вам договор. Подпишете, если вас устроит. И он сразу переводит аванс.

— Но я хотела сама, я уверена, что мне так будет проще.

— Хорошо. Обсудим. Но мой совет: прислушайтесь к тому, что предлагает Вячеслав. Он довольно приличный адвокат. Чем больше в деле профессионалов, тем проще.

— И когда вы можете приехать?

— Сегодня удобно?

— Да. Я только не успела подготовиться морально.

— С этим мы справимся. Вы не против, если я приеду со своей секретаршей? Не потому, что мне необходимо ее участие. Но она как раз тот человек, с которым людям легче собраться морально. Очень естественная и эмоциональная девушка. Зовут Надеждой.

— Ну, раз Надежда... Значит, необходима, — Лара даже улыбнулась. — В какое время приедете?

— Часа через два нормально?

— Отлично. Жду.

Евгения Михайлова

...Детектив выглядел шикарно. Голубые глаза, седые виски, голливудская улыбка. Стройный и непринужденный. Пожалуй, Лара предпочла бы, чтобы он был менее картинным. Взглянув на его спутницу, сразу поняла: это то, что надо. У Нади было круглое лицо, круглые карие глаза и крупный улыбчивый рот. Он казался полным веселья и смеха. Странное дело выбрала для себя такая девушка. Она контрастировала со всем, что зовется криминалом. И да, она выглядела как надежда.

— Привет, — протянула она руку Ларе. — Держи пакет. Жена Славы передала. Там мандарины, банка красной икры, в коробочках всякие витамины. Теперь я понимаю, что тебе это очень нужно.

— Ох, спасибо. Таня верна себе. Я заварила кофе и сделала бы бутерброды с икрой. Но у меня нет хлеба.

— Ничего, — деловито произнесла Надя. — Я обожаю икру и не порчу ее хлебом. А давайте мы ее просто ложками съедим?

— Я не против, — рассмеялась Лара и даже не сразу поняла, что с ней это случилось впервые за год.

Посидели вокруг журнального стола в гостиной. Ели икру под кофе, говорили о всякой ерун-